

Л.С. Гребнев (Москва)
доктор экономических наук, профессор

Политическая экономия «по Марксу»: реанимация или развитие?

Любая революция представляет собой отрицание предшествовавшей действительности. Для маржиналистской революции 1870-х годов таковой была политическая экономия в целом и в ее интерпретации Марксом в особенности. Логичным завершением этой методологической революции в экономической науке стал отказ на рубеже XIX – XX веков даже от названия «политическая экономия» («political economy»), замена его на «economics», частью которой стала «political economics».

Мировой кризис 2000-х годов способствовал не только критике современной экономической теории с ее глубоким погружением в математику и теорию игр, но и интересом к трудам Маркса, особенно к «Капиталу». Может ли это закончиться методологической контрреволюцией и «восстановлением в правах» термина «политическая экономия»? Не исключено. Но для этого надо признать, во-первых, саму маржиналистскую революцию, точнее, то, что она отвергла в политической экономии с полным на то основанием и, во-вторых, то положительное, что она внесла «взамен» отвергнутого.

Можно назвать как минимум три взаимосвязанных пункта, по которым критика политической экономии была убедительной или, как минимум, многими воспринималась таковой: труд как субстанция ценности (стоимости) благ, время труда как основа меновых пропорций и двойственный характер труда (конкретный труд создает потребительную ценность любого товара, а абстрактный – его меновую ценность/стоимость).

Опыт 20 столетия показал, что рынок и деньги появляются в любой общности, где есть хотя бы подобие равенства части его членов безотносительно к «времени труда», но пропорции обмена при этом связаны не с «временем труда», а с «временем/качеством жизни».

Самый наглядный пример – рынок продуктовых карточек в Северном Вьетнаме в 1970-х годах. Функцию денег на нем выполняли карточки на рис.

В СССР менее наблюдаемыми, но гораздо более массовыми, были «серые рынки» так называемых фондируемых материалов: метизов (металлических изделий), начиная с проката разных профилей, красок, других хранимых и делимых материалов широкого применения. По сути дела это та же карточная система, но не для людей, а для предприятий. Такие рынки были очень локальны, но они *помогали жить* в условиях несовершенной и все более отстающей от жизни системы норм, по которым выделялись ресурсы «под планируемые объемы производства».

Если посмотреть те страницы «Никомаховой этики» Аристотеля, на которые ссылается Маркс на первых страницах «Капитала», то можно заметить, что античный философ видит основу для сравнения разных благ в их востребованности для *жизни людей*. Рабский труд приписал Маркс сюда напрасно: Аристотель рассуждал о враче и земледельце.

Можно также назвать как минимум одно понятие, которое было введено в экономическую науку именно после маржиналистской революции – издержки упущенной выгоды, альтернативные издержки (opportunity cost). Оно тесно связано с понятием «сравнительное преимущество», введенным Давидом Рикардо, но прошедшим мимо внимания Маркса: «Два человека выделывают обувь и шляпы, и один превосходит другого в обоих занятиях, но, изготавливая шляпы, он может превзойти своего соперника на одну пятую, или на 20%, а изготавливая обувь – на одну треть; не будет ли для обоих выгоднее, чтобы более искусный занялся исключительно изготовлением обуви, а менее искусный – производством шляп?»¹.

На языке альтернативных издержек приведенный Рикардо условный числовой пример выглядит так: у первого (более искусного) технологическая норма замещения шляпы/обувь равна $3/2$, а у второго – $5/3$, то есть, действительно, у первого шляпы относительно обуви дешевле ($9/6 < 10/6$ на $1/6$ или на 17%).

---

¹ Рикардо Д. Начала политической экономии. М.: Эксмо, 2007, с. 159.

Универсальность понятия альтернативных издержек выражается, в частности в том, что значимость (ценность) труда для существования людей выглядит весьма просто: чтобы жить *потом*, надо часть времени *сейчас* потратить не на досуг (или «царство свободы»), а на труд по производству средств существования. И наоборот: увеличение свободного времени «здесь и сейчас» стоит уменьшения обеспеченности существования в будущем. Басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» иллюстрирует эту зависимость в самой наглядной форме.

По сути, о том же писал Карл Марк в известном письме Л. Кугельману (от 11.07.1868): ««Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости [т.е. ценности – Wert, value – Л.Г.] покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предмета, о котором идет речь, так и в отношении метода науки. Всякий ребенок знает, что каждая нация *погибла* бы, если бы она *приостановила работу* не то, что на год, а хотя бы на несколько недель»².

Таким образом, на роль субстанции ценности/стоимости гораздо лучше подходит жизнь людей (общества), а не ее часть – труд, или, иначе говоря, субстанция ценности – будущая жизнь общества. Если истинно общее положение «цель первична по отношению к средству ее достижения», то оно остается таковым и частном случае пары «жизнь – труд».

При отсутствии технического прогресса или его относительно низком его темпе, доля времени труда в общем времени жизни может восприниматься как постоянная величина. Это ведет к иллюзии пропорциональности меновых ценностей пропорциям «рабочего времени». Отсюда неизбежно «противоречие» не столько между первым и третьим томами «Капитала», сколько в самом третьем томе, когда от статике меновых пропорций осуществляется переход к анализу «закона-тенденции» нормы прибыли к понижению.

Двойственный характер труда Маркса – это по сути дела форма, за которой скрыта двойственность самой жизни людей, раздваивающейся на цель (жизнь как таковую) и средство (труд как часть жизни, обеспечивающая жизнь

---

² Маркс К., Энгельс Ф., т. 32, с. 460, курсив мой, – Л.Г.

в целом). Причем надо иметь в виду, что трудятся *индивиды*, а живет *общество* (включая и нетрудоспособных современников трудящихся индивидов, и будущие поколения людей).

Формула «*общественно-необходимые* затраты труда на *воспроизводство* (блага)» обращена в будущее, а не в прошлое. Поэтому она имеет в виду затраты, во-первых, только ожидаемые (*ex ante*), а не реальные (*ex post*), и, во-вторых, не вполне определенные из-за неустранимой неопределенности будущего. Это заставляет наряду со знаниями говорить о вере. Какой бы предмет ни выполнял функцию денег, люди *верят*, что эту функцию он будет выполнять и в будущем. В этом смысле деньги всегда, а не только сейчас, имеют кредитный – от слова *credo*, то есть, вера (или фидуциарный) характер.

Например, когда в ожидании набега зажиточный крестьянин закапывал в укромном месте кубышку с золотыми или серебряными монетами, это значит, что их ценность становилась для него в этот момент нулевой, если не отрицательной (его могли и убить, чтобы забрать, а откупиться – может не получиться). При этом он верил (или хотя бы надеялся), что, во-первых, никто ее не найдет, во-вторых, ситуация в дальнейшем изменится к лучшему, жизнь станет безопаснее, в-третьих, сам он или доверенное лицо смогут вернуться и достать клад, в-четвертых, сбереженное будет иметь ценность и в новой жизни.

К сказанному можно также добавить, что ценность благ всегда имеет и относительный (по отношению к жизни, которую оно прямо или косвенно обеспечивает) и долевого характер: доля времени жизни, уделяемая труду как таковому (если угодно – абстрактному труду как части «абстрактной жизни», жизни общества как таковой) и доле времени, связанной с производством и *потреблением* конкретных благ (конкретный труд).